

А.Д. Трахтенберг*

**«ЮГРА ЖЕ ЛЮДЬЕ ЕСТЬ ЯЗЫК НЕМ»:
ОПЫТ ИСТОРИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ДИСКУРСА**

Одной из сфер применения дискурс-анализа является изучение процессов конструирования идентичностей. Учитывая, что в постсоветской России произошел распад прежней системы идентичностей, построенной на основе советских дискурсивных практик и до сих пор на всех уровнях (от индивидуального до общенационального) не завершилось формирование новых, постсоветских, обращение к дискурс-анализу представляет особый интерес. Именно на основе дискурс-анализа становится возможным понимание того, как в нестабильном, кризисном обществе возникают новые формы символической консолидации. В данной статье мы проанализируем формирование такой формы символической консолидации, как региональная идентичность.

Наша статья представляет собой case study, так как анализ процесса конструирования региональной идентичности мы осуществляем на конкретном примере Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. Это административное образование возникло в 1930 г. в рамках реализации ленинско-сталинской национальной политики на базе ряда районов Тобольского округа Уральской области, населенных ханты и манси. В 2003 г. Президент России подписал указ, закрепляющий в Конституции РФ новое наименование Ханты-Мансийского автономного округа – «Югра». Согласно этому указу, в то время как наименование «Ханты-Мансийский автономный округ» обозначает вид субъекта РФ как государственно-публичного образования с собственным именованным названием, название «Югра» содержит в себе указание на историческо-территориальную принадлежность указанного государственно-публичного образования, обладающую самобытными национальными традициями проживающих на этой территории народов.

Таким образом, на федеральном уровне были закреплены результаты конструирования постсоветской региональной идентич-

* Трахтенберг Анна Давидовна – старший научный сотрудник отдела философии ИФиП УрО РАН, кандидат политических наук.

ности, осуществленного в одном из ключевых в экономическом плане субъектов федерации. Этот регион в некоторых отношениях уникален. С одной стороны, в нем добывается две трети российской нефти, благодаря чему он занимает первое место в России по объему промышленного производства и поступлению налогов и сборов в федеральный бюджет. С другой стороны, будучи полноправным субъектом федерации, округ является составной частью Тюменской области, то есть его полноправие выглядит как не вполне «полное», и окружной элите постоянно грозит объединение с «югом Тюменской области»¹ со всеми вытекающими последствиями. Понятно, что конструирование региональной идентичности было, помимо прочего, направлено на то, чтобы обосновать право региональной элиты на существование в качестве элиты субъекта федерации (а не нефтедобывающих территорий в составе Тюменской области). Задача осложнялась тем, что подавляющее большинство окружных жителей – мигранты, прибывшие на Север в период нефтяного освоения, с типичной психологией новых поселенцев, в то время как «титульные народности» – ханты и манси – составляли и составляют менее 2% общего населения округа.

Именно поэтому изучение превращения большевистской «северной окраины» в Югру как субъект Российской Федерации, представляет, на наш взгляд, значительный научный интерес. Это позволяет отчетливо проследить многие процессы, которые в других регионах в силу своей «естественности» воспринимаются как само собой разумеющиеся, и привлечь внимание к социокультурной и символической составляющей отечественного регионализма, которой, на наш взгляд, пока уделяется явно недостаточное внимание.

На первый взгляд, в ситуации с «Югрой» перед нами типичный пример восстановления «исконного», традиционного названия территории (по аналогии, например, с Республикой Саха-Якутия или Башкортостаном). Однако в качестве исконного было выбрано старинное новгородское название северных земель Приуралья и Зауралья, вышедшее из употребления уже к XVI в.

¹ Термин, используемый в Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком автономном округах для указания на ту часть Тюменской области, которая округами *не* является и напрямую подчиняется администрации области.

Как знает любой ханты-мансийский школьник, название «Югра» было впервые упомянуто около 1096 г. в «Повести временных лет» в рассказе новгородского ушкуйника Гюряты Роговича о том, как он посылал «отрока» за данью на Север, в Печору и «во Югру»: «Югра же людье есть язык нем (непонятен – *А.Т.*) и соседят с Самоядью на полуночных странах...». Очевидно, что под «Югрой» здесь понимается не территория, а люди, ее населяющие, а точнее – люди в единстве с территорией, что вполне согласуется со средневековым менталитетом, для которого пространство было лишено топографической определенности, а «качества человека как индивида, как члена семьи, рода, общины, с одной стороны, и качества земли, которой он владел в составе этого коллектива, – с другой, не размежевывались, переплетались»¹.

Отметим, что «отрок» Гюряты Роговича очень четко зафиксировал главную проблему, с которой столкнулись те, кого *он* назвал «Югра» при общении с российским государством во всех его последовательных воплощениях. Это – «язык нем», то есть неспособность освоить дискурсивные практики пришельцев, будь то новгородские ушкуйники, московские подьячие и стрельцы, чиновники канцелярии тобольского губернатора или сотрудники окружкома ВКП(б), которая и воспринималась как непонимание «человеческого языка». Та же неспособность сохраняется у «коренного населения Югры» и на современном этапе, о чем свидетельствует, например, конфликт известного ненецкого «поэта, шамана и философа» Ю.К. Вэллы (Айваседы), попытавшегося в современных условиях реконструировать традиционную сакральную географию, с нефтяной компанией «ЛУКойл».

Название «Югра» еще несколько раз встречается в русских летописях, причем сохраняется все та же топографическая неопределенность территории (что позволяет ряду исследователей отождествлять ее с Йурой арабских путешественников и Биармией скандинавских саг)². Топографическая неопределенность средневековой Югры, которая с современных позиций выглядит

¹ Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М., 1984. С. 59.

² Федорова Н.В. Западная Сибирь и мир средневековых цивилизаций: история взаимодействия на торговых путях // Археология, этнография и антропология Евразии, 2002. № 4(12). С. 91-101.

как «умолчание» о ее реальном географическом положении, является исключительно ценной с точки зрения «заполнения лакуны». Именно она и позволила полностью отождествить «Югру» советским административным образованием, возникшим в Северном Приобье в 30-е гг. XX в.

Более того, данное название создавало исключительно широкие возможности для дискурсивной ассимиляции, то есть включения в официальный административный дискурс компонентов множества дискурсивных практик, накопившихся в процессе реального и символического освоения русским государством Западной Сибири. Отождествление Югры с Ханты-Мансийским автономным округом в его существующих границах позволило дискурсивно присоединить его, во-первых, ко всей истории «русской Сибири» начиная с Ермака Тимофеевича и его сподвижников; во-вторых, отнести его ко всей Сибири «дорусской» и прежде всего – к истории и культуре ханты и манси как коренных жителей Югры.

Это дискурсивное присоединение происходило через «заполнение лакун»: предполагалось, что любой текст, в той или иной мере касающийся территории нынешнего Ханты-Мансийского округа, содержит *по умолчанию* ссылку на «Югру», так что остается только заполнить имеющуюся в дискурсе лакуну, подставив туда это название. Умолчание, являющееся неотъемлемой составной частью любой дискурсивной практики, перемещалось таким образом на те элементы дискурса, которые ранее указывали на иную принадлежность (географическую, социальную, культурную) конструируемого путем описания объекта.

«Заполнение лакун» как дискурсивная стратегия конструирования «Югры» была избрана потому, что ни российская имперская, ни советская административная дискурсивная практика никакой «Югры» не знали. В позднем имперском дискурсе существовали Сургутский и Березовский округа Тобольской губернии и Самаровское лесничество; в советском дискурсе – Остяко-Вогульский национальный округ в составе сначала Уральской, потом Омской области; затем Ханты-Мансийский автономный округ как административное подразделение Тюменской области.

Не подозревали о том, что они являются «коренными жителями Югры» ханты, манси и лесные ненцы. Они жили в Среднем

мире, по берегам священной реки Ас (Обь), впадающей в «поганое море» (Ледовитый океан)¹.

Западная Сибирь была освоена империей очень рано, фактически к началу XVIII в. Это выразилось в подчеркнутой утрате к ней административного интереса и отрицании наличия у нее какой-либо специфики. Если в XVIII в. среди прочих сибирских городов явно выделялся Березов (ссылка именно в Березов стала нарицательной, будучи подчеркнутой формой официальной мести)², то в XIX в. «нарицательная ссылка» сдвигается восточнее, в Нерчинск и на Тару. В Березов и Сургут продолжают отправлять сравнительно малозначительных политических преступников, так что эти населенные пункты как бы растворяются в общем пространстве сибирской ссылки.

В 1822 г. Александр I создает «Западно-Сибирское генерал-губернаторство», таким образом официально разделяя Сибирь на Западную (с центром в Тобольске) и Восточную (с центром в Иркутске). В 1882 г. «Западная Сибирь» вообще исчезает с импер-

¹ Подробнее о сакральной географии ханты и манси см.: *Трахтенберг А.Д.* Конструирование региональной идентичности в процессе дискурсивной ассимиляции (на примере Ханты-Мансийского автономного округа – Югры) // Дискурс-Пи. Научно-практический альманах. Вып. 5. Екатеринбург, 2005.

² Там же. С. 632. Как известно, в Березове в разное время пребывали А.Д. Меншиков, Х.А. Миних, А.И. Остерман и князя Долгорукие, что и стало основой современной идентификации Березова как места, в котором «проживали» (именно проживали, а не были насильно поселены) выдающиеся деятели русской истории. В настоящее время правительство Ханты-Мансийского округа официально поддерживает «Фонд А.Д. Меншикова», главным направлением деятельности которого является пропаганда заслуг А.Д. Меншикова как государственного деятеля и военачальника и содействие охране и должному содержанию зданий, объектов и территорий, имеющих историческое и культовое значение, связанных с жизнью и деятельностью светлейшего князя А.Д. Меншикова (см. http://www.admhmao.ru/politics/Fond_Men/index.htm). Перед нами типичный случай дискурсивного присоединения через «заполнение лакуны» – поскольку Меншиков жил и умер в Березове, он является своего рода «почетным гражданином» постсоветской Югры.

ской карты: Александр III упраздняет генерал-губернаторство, разделив его на Тобольскую и Томскую губернии. Эта территория окончательно превращается во «внутреннюю окраину» (термин А.В. Ремнева), глубоко интегрированную в имперское пространство, и в отличие от Степного края, Восточной Сибири и Дальнего Востока, не являющуюся предметом особого властного дискурса.

Но если Тобольская губерния в целом воспринимается как дальняя, окраинная, но полностью освоенная территория, то ее северная, приобская часть имеет все черты «цивилизационной пустыни»: бескрайние пустые просторы, дикость местного населения, отсутствие проезжих дорог, редкие и крайне убогие населенные пункты. Как писал крупнейший исследователь хантыйского фольклора С.К. Патканов, «характерная черта и своеобразная прелесть этих малообжитых северных регионов заключается не в сочетании грациозных холмов и высоких гор с веселыми лугами, пересеченными ясными ручьями и реками..., но в подавляющем однообразии ландшафта (курсив мой – А.Т.): страшные, мрачные, иногда лишь чередующиеся с лиственными хвойные леса, серые болота, медленно убегающие вдаль реки с их многочисленными рукавами и протоками... Еще более однообразной кажется эта местность зимой, когда все неровности почвы, как болота, озера, реки совершенно исчезают под двухаршинным слоем снега, укрывающего и деревья белым покрывалом»¹. Как видим, С.К. Патканов противопоставляет идеализированный пейзаж в духе Клода Лоррена, пленяющий одновременно разнообразием и гармонией, и «подавляющий своим однообразием ландшафт», в котором глазу не на чем остановиться и который в сущности представляет собой бесформенную пустоту, укрытую «двухаршинным слоем снега».

Следует отметить, что такое восприятие местности как ничейной, пустой земли перешло и в советский дискурс. И в этом дискурсе великая нефтяная эпопея, связанная с открытием и добычей западно-сибирской нефти, разворачивается в глухой тайге, на гиблых и безжизненных болотах. Например, академик Н.Н. Моисеев, вспоминая в конце 1980-х гг. о своем первом визите в округ, писал: «Я видел сверху бескрайние болотистые равнины, покрытые мелким

¹ Патканов С.К. Остяцкая молитва. Тюмень, 1999. С. 213.

смешанным редколесьем, пятна озер и непролазные топи. Картина мне показалась безрадостной»¹. То, что редколесье и «непролазные топи» могут быть еще и охотничьими угодьями или священными местами, совершенно не вмещалось в рамки советского героического дискурса, которым оперировал Н.Н. Моисеев и который унаследовал некоторые особенности имперского дискурса.

Однако если и советский, и имперский дискурсы в равной мере исходили из того, что Северное Приобье – унылая и безрадостная «цивилизационная пустыня», то при обращении к жителям этой «пустыни» между имперской и советской дискурсивными практиками обнаруживается существенное различие. Свое внешнее выражение оно находит в том, что для имперских властей обитателями тайги и болот были «кочевые и бродячие инородцы», а для советских – «малочисленные народности Севера». Это различие в именовании отражает принципиальное различие в способах взаимодействия с ханты и манси в имперском и постимперском дискурсивных пространствах.

Согласно «Уставу об управлении инородцами Сибири» (1822), остяки и вогулы были причислены к числу «кочевых и бродячих племен». С них в пользу государства взималась не подушная подать, а ясак, для раскладки которого организовывались низовые органы управления – родовые управы. Податным подразделением была именно «ясачная волость», а это означает, что границы между волостями прокладывались не территориально, а персонально, подушно. «Инородцы» были для имперских властей одним из сословий, находящемся в самом низу пирамиды имперских сословий, но не воспринимались как «принадлежащие» определенной территории (а она – как принадлежащая им).

Таким образом, модернизационные усилия государства распространялись только на определенный слой населения, в рамках которого и циркулировал имперский модернизационный дискурс. Всем остальным предоставлялась возможность существовать в рамках традиционных институтов и соответствующих дискурсивных практик, что, как показано выше, обские угры с успехом и делали, «платя ясак в Сургут» и в остальном игнорируя порядки русского царя – «Хона».

¹ Моисеев Н.Н. Социализм и информатика. М., 1988. С. 115.

При этом особого, выделенного места в имперском «инородческом» дискурсе ханты и манси не занимали: это место было отведено кавказским народам, вокруг которых сложилась целая имперская мифология. Описание вогулов (манси), данное Н.М. Ядринцевым, в работе «Сибирские инородцы, их быт и современное положение», широко использовавшим официальные источники, в этом смысле вполне типично: ««По характеру вогул – тихое и добродушное дитя природы... Большой недостаток в характере вогула составляет леность... Русская культура, соприкасаясь с этими дикарями, действует не всегда благоприятно»¹. Это описание, во-первых, явно осуществлено с позиций того, кто занимался управлением, поскольку оценка «вогула» осуществляется именно по критерию управляемости. Во-вторых, в его основе лежит просветительский стереотип «благородного дикаря»², развращающегося от столкновения с цивилизацией.

В целом имперском управленческом дискурсе территория будущей «Югры» одновременно является и освоенной, и не освоенной, и цивилизованной, и дикой. В качестве освоенной она уже не требовала особого административного режима, а в качестве дикого – еще в нем не нуждалась, но и в том, и в другом случае вполне укладывалась в традиционные дискурсивные практики.

Если Сибирь вообще, и Северное Приобье в частности, чем-то и отличались от центральной России, то прежде всего крайней разреженностью властного пространства, что обостряло все традиционные российские управленческие проблемы, однако не делало их сколько-нибудь специфическими. Они оставались типично российскими управленческими проблемами – дурное исполнение приказов, взяточничество, произвол местных чиновников и т.п. Существовал особый жанр – донос, в котором все эти проблемы доводились до сведения центральных властей.

Превращение жанра доноса из закрытого в публичный породило управленческий контрдискурс, впервые проявившийся в эпоху Великих Реформ и сопряженной с ними гласности. Мы на-

¹ Ядринцев Н.М. Сибирские инородцы: их быт и современное положение. Тюмень, 1999. С. 66.

² В «subaltern studies» тезис о колониальном характере европейского просветительского дискурса давно стал общим местом.

зываем этот дискурс «народническим». Его главным содержанием были обвинения власти в тяжелом положении народа, а главной отличительной характеристикой – крайний алармизм, переходящий в катастрофизм. В рамках народнического дискурса в Российской империи не было ничего, кроме «обнищания», «голодухи» и «давящего самодержавного гнета». Носителями этого дискурса в Тобольской губернии, что вполне естественно, стали политические ссыльные.

Например, С.П. Швецов, сосланный на вечное поселение в Сибирь по «Процессу 193-х», много писал о вымирании инородцев, что вовсе не отражало реальное положение вещей (в это время сохраняется нормальная демографическая динамика, что было показано еще С.К. Паткановым). Разорение остяков описывается им по той же схеме, по которой публицисты «Русского богатства» писали о проблеме обезземеления крестьян, попадающих в кабалу к «мироодам» (разумеется, при попустительстве властей). С.П. Шевцов был совершенно уверен, что «остяки умирают тысячами от голода и лишений», хотя официальная статистика ничего подобного не фиксировала¹.

Таким образом, если сама территория будущего Ханты-Мансийского округа дискурсивно определялась как однообразная пустыня, то проживающие на этой территории «инородцы» существовали в рамках сразу двух дискурсивных практик: в качестве неполноценных поданных империи, которых следует ограждать от злоупотреблений, и в качестве обреченных на вымирание из-за попустительства властей жертв этой же империи.

На самом деле дискурсивных практик было не две, а три. С середины XIX в. Северное Приобье появляется на финских и венгерских ментальных картах и попадает в орбиту нового европейского националистического дискурса. Этот дискурс был центрирован вокруг лингвистики и фольклора. Так, в случае с Великим княжеством Финляндским изучение фольклора и открытие и кон-

¹ Цит. по: *Ядринцев Н.М.* Сибирские инородцы ... С. 90; Н.М. Ядринцев в качестве комментария замечает: «Если верить автору, а не верить нельзя, потому что и другие очевидцы сообщают то же, то, пожалуй, через пять-десять лет от остяцкого племени не останется человека». Книга вышла в 1891 г.

струирование в единое целое кусков народной эпической поэзии шли рука об руку с публикацией грамматик и словарей и обусловили появление периодических изданий, которые обеспечили стандартизацию финского литературного языка, на основе чего можно уже было выдвигать более решительные политические требования¹. Поэтому не вызывает удивления, что с середины XIX в. в Приобье регулярно работают финские (А.У. Альквист, А. Каннисто, К.Ф. Карьялайнен, М.А. Кастрен, Х. Паасонен, У.Т. Сирелиус) и венгерские (А. Регули, Й. Папай, П. Хунвальди) филологи, фольклористы и этнографы, занятые конструированием соответствующих «воображаемых сообществ». В рамках стратегии на создание национального фольклора и «пробуждение нации ото сна», остяки и вогулы из множества бродячих «ловцов» превращаются в обских угров, носителей древней и самобытной культуры и столь же древнего языка.

Между тем со времен работ Э.В. Саида и его последователей всем хорошо известно, что нет ничего более имперского и колониалистского, чем этнография и сравнительная филология, так как она превращает этническое сообщество в пассивный объект исследования и наделяет его некоей имманентной сущностью, являющейся одновременно «исторической», так как она коренится в самом начале времен, и а-исторической, поскольку она придает сообществу неизменяемые и неотчуждаемые характеристики². Неудивительно, что в рамках этого дискурса реальные обычаи обских угров описывались исследователями как дикие, смешные, а зачастую непристойные, и в отличие от их языка, достойного тщательного и подробного изучения, вызывающие не столько интерес, сколько содрогание³.

Весьма характерно, что для метаописания языка и культуры обских угров использовался немецкий – язык университетской сравнительной филологии, язык Гердера и Гумбольдта. Так поступали не только финские, но и отечественные филологи и эт-

¹ *Seton-Watson H.* Nations & States. An Enquiry into the Origins of Nations & the Politics of Nationalism. Boulder, Colo. 1977. P. 72.

² *Malek A.A.* Orientalism in Crisis // *Diogenes*. 1963. № 44. P. 107.

³ Именно таковы были впечатления М.А. Кастрена от увиденного им обряда вызывания шаманом духов.

нографы¹. По отношению к описываемому языку немецкий выступал как вне- и наднациональный язык, позволяющий добиться абсолютной беспристрастности и погрузить объект исследования в атмосферу «чистой науки». Таким образом, дискурс национально-го возрождения оставался европоцентричным и отнюдь не означал восприятия ханты и манси «на равных».

На основе трудов венгерских и финских исследователей во второй половине XIX в. начинает развиваться отечественное угроведение, причем развивают его в первую очередь чиновники, а затем политические ссыльные. Наиболее яркими представителями первой группы можно считать Н.Л. Гондатти, тобольского губернатора и шталмейстера Е.И.В. двора, автора первой книги, специально посвященной мифологии обских угров «Следы язычества у народов Северо-Западной Сибири», и А.А. Дунина-Горка-вича, главного губернского лесничего и чиновника особых поручений при министре земледелия, автора трехтомного труда «Тобольский Север»².

Таким образом, в позднем имперском дискурсе ханты и манси были не только объектами управления и «жертвами самодержавия», но и носителями самобытной, хотя и примитивной культуры (тот же С.К. Патканов считал, что главной характеристикой хантыйского эпоса является его «бесцветность», аналогичная природному однообразию мира, в котором они вынуждены были обитать).

Советские административные практики, хотя и были основаны на выборочном использовании имперского дискурса, существ-

¹ Например, по-немецки был написан классический труд С.К. Патканова «Иртышские остяки и их народная поэзия» («Die Irtysch-Ostjaken und ihre Volksproesie»). С другой стороны, когда Август Альквист решил описать быт и праздники ханты и манси в художественной форме, он использовал финский язык. Но его «Воспоминания о поездке в Россию» («Muistelmia matkoilta Venäjällä vuosina») – это первая финская книга путешествий. Порожденный романтизмом жанр путевых записок требовал субъективного самовыражения, а оно, что вполне естественно, достижимо только на «родном языке».

² Самаровское лесничество Тобольской губернии, крупнейшее в стране, занимало всю площадь Ханты-Мансийского автономного округа и часть Ямала. Однако этот способ структурирования территории Приобья не оставил значимого следа в «югорском дискурсе».

венно отличались от имперских. Главное отличие состояло в том, что для большевиков ханты и манси были хотя и не полноценным «народом», но все-таки «народностью», которую было необходимо достроить до стандартной модели, предполагающей наличие собственной территории, языка и соответствующих культурных институтов – школ, больниц, газет, литературы и других видов «национального по форме» искусства. При реализации своего модернизационного проекта большевики явно ориентировались на ту модель нации, которая к тому времени уже успела сформироваться в Западной Европе¹.

К началу 20-х гг. XX в. Наркомат национальностей РСФСР, возглавляемый И.В. Сталиным, начал осторожные попытки организовать в Северном Приобье «областную автономию»². По инициативе Полярного подотдела национальных меньшинств по управлению и охране туземных племен Севера уже 1922 г. в с. Самарово было созвана конференция племен Полярного Севера. На ней присутствовали 15 делегатов, причем, как гласит официальная версия, по всем обсуждавшимся вопросам было принято обширное постановление. Было предложено образовать в пределах Березовского, Сургутского и части Тобольского уездов административно-хозяйственную автономию, входящую в Тюменскую губернию. То, что идея была инспирирована сверху, не вызывает ни малейших сомнений: вряд ли «делегаты племен Полярного Севера» успели освоить советский дискурс в объеме, необходимом для принятия «обширных постановлений».

В июле 1923 г. Сургутский уездный исполком вновь представил проект создания на севере самостоятельного административно-хозяйственного центра – Северного округа. Однако проект

¹ Б. Андерсон особо подчеркивал важность подражания модели-образцу для всех случаев вторичного национализма.

² Напомним, что И.В. Сталин именно областную автономию считал наиболее эффективным вариантом решения национального вопроса, так как она в отличие от национально-культурной автономии, «дает возможность наилучшим образом использовать природные богатства области и развить производительные силы, не дожидаясь решений общего центра» (*Сталин И.В.* Марксизм и национальный вопрос // Сочинения. Т. 2. М., 1953. С. 362).

не получил поддержку, как и идея создания Мангазейско-Туруханского края от Урала до Енисея.

Впрочем, все эти проекты, как ведомственные, так и «низовые», потеряли всякую актуальность после начала в 1923 г. так называемого «районирования». Оно предполагало полный разрыв с имперским административным делением: «новой власти было жизненно необходимо обозначить разрыв в преемственности с прежней, на первых порах хотя бы с помощью чисто символических средств»¹. Поэтому губернии были упразднены и вместо них образованы области, созданные на основе из научного анализа экономики региона (точнее, того, что большевики считали таковым). Территория бывшей Тюменской губернии вошла в гигантскую Уральскую область. Таким образом, Северное Приобье было впервые раз дискурсивно исключено из состава Сибири и стало частью Урала². В компетенцию Уралоблисполкома, помимо организации и планирования социально-экономической деятельности, входило и «проведение политики повышения экономического и культурного уровня национальных меньшинств»³.

Непосредственно за решение данной задачи отвечал Комитет содействия развитию северных окраин при Уральском облисполкоме и подчинявшийся ему соответствующий Комитет при Тобольском окрисполкоме. Однако процесс «советизации» северных территорий шел очень медленно, и не только из-за хронической нехватки средств, но и потому, что у членов Комитета о Севере имелись только «ориентировочные» представления. Е.И. Гололобов приводит характерное выступление председателя Уральского комитета Севера А. Плешкова на состоявшемся в 1927 г. в Свердловске областном совещании: «Когда мне пришлось вступить в исполнение обязанностей, я должен был заняться рассмотрением, изучением некоторых цифр, определяющих национальный состав области, хозяйства отдельных национальностей [...] Я на протяже-

¹ Соколовский С.В. Категория «коренные народы» в российской политике, законодательстве и науке // <http://www.prof.msu.ru/publ/book3/sok.htm#s>

² Второй раз это произошло в 2000 г. с образованием Уральского федерального округа, в состав которого вошел Ханты-Мансийский автономный округ.

³ Урал после районирования. Свердловск, 1926. С. 117.

нии полугода ни цифр не мог получить, ни тем более составить план конкретный [...]. В конце концов, получил половинчатые цифры, цифры очень неопределенные, с оговоркой, что цифры не точные, цифры предварительные, цифры ориентировочные [...] и конечно на таких ориентировочных цифрах, не точных цифрах хозяйство строить на одиннадцатом году существования советской власти никоим образом нельзя»¹.

Весьма характерно, что знание Севера для А. Плешкова тождественно знанию «точных цифр». «Точные цифры» представляют собой операционализацию на уровне управленческого дискурса важнейшего для советского модернизационного проекта дискурсивного стиля – стиля европейской науки Нового Времени. Как известно, большевики претендовали на «научное преодоление противоречий капитализма». Отсюда – культ плана и цифр, которые не столько отражали и тем более определяли реальное положение вещей, сколько были свидетельством символической инкорпорации научного стиля в управленческие практики.

Такая инкорпорация была неотъемлемой частью советского управленческого дискурса о «северных окраинах». Так, подготовленное Уральским экономическим совещанием первое научное (советское) писание Тобольского Севера представляло собой сочетание народнической критики «проклятого прошлого» («Тобольский Север являет собой резкий пример систематического ограбления природы. Триста лет из него выкачивается его богатство в виде мехов, дичи и рыбы, а что получает этот край взамен? Водку и сифилис») с пересказом труда А.А. Дунина-Горкавича «Тобольский Север». Общий вывод состоял в том, что «леса – это единственный капитал, за счет которого Тобольская тайга может приобщиться к культуре», и находился в полном противоречии с экономической реальностью территории, существовавшей за счет рыбного и пушного промысла. Это предполагало необходимость полной перестройки существующего хозяйства «с заменой первобытных, примитивных способов обработки сырья индустриальной

¹ Гололобов Е.И. Источники по истории взаимодействия природы и человека на Обь-Иртышском Севере (1923–1934 гг.) // Письменные источники по истории Западной Сибири. Сургут, 2004 // http://www.zaimka.ru/2005/gololobov_obirtysh/

техникой, с введением в систему эксплуатации еще не использованных богатств»¹. Таким образом, новый, советский дискурс включал в себя народнический контрдискурс, с помощью которого описывалось «проклятое прошлое», «научную» (статистическую) информацию о настоящем и утопические планы, ориентированные на будущее. Каждое время – прошлое, настоящее и будущее – было четко дискурсивно маркировано и описывалось с помощью собственного словаря и синтаксиса.

Если народнический контрдискурс перешел в советский дискурс практически без изменений, то научная статистическая составляющая нуждалась в значительной коррекции и отнюдь не потому, что данные А.А. Дунина-Горкавича сильно устарели. В 1926–1927 гг. была осуществлена похозяйственная перепись Приполярного Севера СССР, в ходе которой население было переконструировано в соответствии с новой нормативной моделью: разбито по регионам и группам хозяйств с обязательным указанием «наличия наемного труда и размера валового дохода». Следующим шагом стало обнаружение на Приполярном Севере «кулаков и подкулачников», а также превращение туземцев (термин, бывший в ходу до начала 1930-х гг., но плохо сочетавшийся с официальной доктриной интернационализма) в «национальные меньшинства» (нацменов) и «малые народности Крайнего Севера».

Следует особо подчеркнуть, что указание на численность (величину) народа является особенностью дискурса лишь по отношению к коренному населению Сибири («малых народов Кавказа» никогда не существовало; возможно, этому препятствовал сложившийся вокруг них еще в имперские времена особый миф). Указание не просто на Север, но на «Крайний Север» подчеркивало максимальную удаленность «народностей» от центра управления. Таким образом, ханты и манси были размещены на советской ментальной карте далеко на окраине и маркированы как «малые»². Однако несмотря на свою малость они не были исключены из большого советского модернизационного проекта.

¹ Гололобов Е.И. Указ. соч.

² Данное наблюдение принадлежит С.В. Соколовскому (*Соколовский С.В.* Категория «коренные народы» в российской политике, законодательстве и науке // <http://www.prof.msu.ru/publ/book3/sok.htm#s>).

Этот проект строился поверх сакральной географии и предполагал не столько ее сознательное разрушение, сколько принципиальное игнорирование. Само создание Остяко-Вогульского национального округа хорошо укладывается в эту схему. Округ был создан постановлением Президиума ВЦМК от 10 декабря 1930 г. из шести районов Тобольского округа Уральской области. Учитывая, что постановление было издано в разгар «великого перелома», возникает предположение, что его авторы руководствовались не только абстрактным стремлением к «совершенствованию системы управления территорией страны»¹, но и более прагматическим и конкретным стремлением к совершенствованию управления «кулацкой ссылкой» и «спецколонизацией».

Характерно, что выбирая место для окружного центра, власти руководствовались не географическими или тем более культурными или историческими, а «геометрическими» соображениями: новый центр должен был находиться посередине округа. Именно поэтому их не устроило ни село Сургут, ни село Кондинское, а только глухое урочище Большой Черемушник. Правда, в пяти километрах к северу располагалось старинное русское село Самарово, однако с этим пришлось смириться, так как весь оставшийся берег Оби у устья Иртыша был изрезан глубокими оврагами.

В силу доминирования «геометрического мышления», советская власть была склонна игнорировать не только сакральную географию, но и вполне реальные природные особенности среды. Считалось, что если окружной центр находится посередине округа, до него будет легко добраться. То, что на деле в округе практически отсутствовали дороги, так что добраться до любой его точки было крайне сложно, в расчет не принималось. Характерно, что через девять лет в 1939 г. на третьей Омской областной партконференции секретарь Ларьякского райкома жаловался: «Получаем телеграмму из окружкома или обкома партии. И не знаем, как ее выполнять – поехать нельзя, распутица куда ни глянешь, 300 или 400 км до некоторых Советов. Да еще сельсоветы по своей территории имеют радиус до 200 км. До селения по названию Толька от нашего райцентра – 900 км, никто их не мерил. Когда достав-

¹ Курников В.М. Ханты-Мансийский автономный округ: с верой и надеждой – в третье тысячелетие. Екатеринбург, 2000. С. 24.

ляли избирательные материалы, один комсомолец шел семнадцать суток до этого селения Тольки по тайге с избирательными материалами»¹.

Последняя фраза свидетельствует, что не только сакральная география, но и география реальная успешно преодолевались тогда, когда речь шла о символических действиях, имевших в господствующем дискурсе статус конструирующих гегемонистский политический и культурный порядок. «Один комсомолец» шел по тайге творить новую реальность через сакральный акт советских выборов, и поэтому никакие природные препятствия не могли его остановить.

Игнорируя и вытесняя сакральную географию, большевики прилагали активные усилия для того, чтобы модернизировать традиционный дискурс. С 1926 г. сначала на факультете народов Крайнего Севера, а потом в Институте народов Севера в Ленинграде началась подготовка интеллигенции из числа «нацменов». В 1930 г. ненец П.Е. Хатанзеев, выпускник Обдорской миссионерской школы, создает первый печатный букварь на латинской графической основе («Nanti knijga»). В 1931 г. в окружном центре вышел первый номер окружной газеты «Ханты-Манси шоп шой» = «Остяко-Вогульская правда»². В 1932 г. в Остяко-Вогульске открылось первое в округе среднее специальное учебное заведение – педагогическое училище. В 1936 г. П.Е. Хатанзеев (при помощи крупнейшего угроведа В. Штейница) перевел на хантыйский язык «Сказку о рыбаке и рыбке» и «Сказку о попе и его работнике Балде» А.С. Пушкина, положив начало хантыйской литературе. Оба произведения представляли собой литературные версии традиционных русских сказок, то есть задавали образец модернизации дискурса. То, что автором обеих произведений был А.С. Пушкин, символизировало приобщение ханты не просто к высокой русской культуре, но к культуре, главным хранителем и наследником которой объявило себе советское государство.

¹ Цит. по: История Ларьякского района // Официальный сайт администрации Нижневартовского района //

<http://www.nvraion.ru/forprint.php?part=articles&file=history&artnum=0001>

² За время своего существования газета меняла названия четыре раза: «Ханты-манчи шоп шой» – «Остяко-вогульская правда» (с 1931 г.), «Сталинская трибуна» (с 1941 г.), «Ленинская правда» (с 1956 г.), с января 1991 г. – «Новости Югры».

В результате уже к середине 1930-х гг. в советском дискурсе задача модернизации традиционных сообществ «малых народностей Севера» считалась решенной. Дискурс сворачивается до противопоставления тяжелой жизни малых народов при царском режиме их счастливой жизни при новой власти, то есть прошлое напрямую замыкается на будущее, а настоящее, «статистическое» положение вещей исчезает. Формируются стандартные дискурсивные ходы, описывающие «впечатляющие успехи народностей Крайнего Севера в социалистическом строительстве».

Чем дальше, тем больше в официальном советском дискурсе по отношению к ханты и манси, как и к другим малым народам, практиковалась «фигура умолчания», которой сменился первоначальный энтузиазм 1920–1930-х гг., направленный на приобщение «малых народов» к социалистическому строительству. В публичном дискурсе ханты и манси к 1960-м гг. практически перестали существовать, и «освоение ресурсов Сибири» исходило из традиционной имперской идеологии «ничейной земли». В советском героическом дискурсе «нефтяного освоения» для ханты и манси места не было (в буквальном смысле этого слова).

Только в постсоветский период, когда Ханты-Мансийский автономный округ начинает превращаться в «Югру», ханты и манси возвращаются в публичное пространство.

Дискурсивная ассимиляция «коренных жителей Югры» шла сразу в нескольких направлениях. Было обеспечено представительство коренных народов в окружной Думе: создана Ассамблея Коренных Малочисленных Народов Севера, объединяющая пятых депутатов окружной Думы, избираемых по особой квоте, причем Председатель Ассамблеи по должности является и Заместителем председателя Думы АО. По мнению представителей Ассоциации коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации, это является «высшим проявлением парламентской организованности малочисленных народов на местах»¹. Тот факт, что реально по квоте коренных малочисленных народов проходят представители крупных нефтедобывающих компаний, никак не умаляет символического значения Ассамблеи.

¹ *Симонов Е.* «Закоренелые» проблемы коренных народов // *Новости АКМНСС и ДВ РФ* // http://www.raipon.net/russian_site/news/index.cfm?requestedItemId=492

Попытки постсоветской окружной элиты ассимилировать традиционную сакральную географию малых народов Севера посредством *юридического дискурса*, то есть путем принятия окружного закона о «родовых угодьях» (1992 г.), также остались скорее на символическом уровне (хотя в настоящее время около четверти территории Ханты-Мансийского автономного округа относится именно к этой категории). Это произошло прежде всего в силу особенностей дискурсивной практики, связанной со «священными местами».

Н.И. Новикова приводит характерный пример: «При определении границ родового угодья, они были проведены так, как настаивали нефтяники. Ненцы хотели оставить за собой участок земли, которая является священной. *Но они даже не говорили об этом во время переговоров, так как священную землю нельзя называть* (курсив мой – А.Т.). Они просто говорили, что эту землю нужно оставить им. Доводы нефтяников оказались более убедительными для администрации»¹. Вполне понятно, что в рамках рационального бюрократического дискурса такого рода ритуальное умолчание не воспринимается как особая дискурсивная практика (хотя бюрократический дискурс предполагает и требует наличия других умолчаний).

Дискурсивная ассимиляция сакральной географии в ходе постсоветского конструирования региональной идентичности была наиболее успешно осуществлена через *музейно-археологический дискурс «великого прошлого»* и превращение элиты в легитимного хранителя этого прошлого². Хантыйские и мансийские священные места превратились в «музеи под открытым небом» (напр., «Махи

¹ Новикова Н.И. Традиционное природопользование – право и/или ответственность // Сайт «Юридическая антропология» Института антропологии и этнологии Российской академии наук // <http://www.jurant.ru/publ/custlaw2000/novikova.htm>

² Ср.: «старинные священные места должны быть инкорпорированы в карту колонии, чтобы их древний престиж (который, если он к тому времени исчез, как зачастую случалось, государство стремилось возродить) перенесся на создателей карты» (Anderson B. *Imagined Communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. 11 ed., L., N.Y., 2002. P. 181-182. Мы оставляем в стороне самый сложный вопрос о том, являлось ли русское освоение Сибири колонизацией, и отметим только явное сходство дискурсивных практик, описанных Б. Андерсоном и зафиксированных нами в «Югре».

сир озуен ях» в р.п. Новоаганск – бывшие юрты Айпинские и святилище Оуэн-ими – покровительницы реки Аган; культурно-этнографический парк-музей с. Варьеган) и заповедники (например природный парк «Нумто»).

Параллельно в округе начались интенсивные археологические раскопки, в ходе которых происходило открытие новых «священных мест», таких древних, что современные ханты и манси о них либо вообще не помнят, либо не в состоянии их локализовать. Наиболее показательный в этом плане пример – городище Эмдер на реке Ендырь близ города Нягани, отождествленное с легендарным Эмдером хантыйских богатырских сказаний по той же схеме, по которой Г. Шлиман отождествил раскопанное им поселение на холме Гиссарлык с гомеровской Троей¹.

В рамках логики дискурсивной диссимилиации вполне логично выглядит «принятое Администрацией города Нягани решение о воспроизведении в черте города историко-археологического памятника – средневекового городка Эмдер»². Под воспроизведением имеется в виду строительство «историко-музейного и культурно-досугового центра «Древний Эмдер», который должен стать культурным центром города, возникшего в ходе нефтяного освоения на месте поселка лесозаготовителей. Авторы проекта убеждены, что они *возрождают* традицию, а не конструируют ее заново. Таким образом, «заполнение лакуны» как дискурсивная стратегия приобретает буквальный смысл: на «пустом месте» строится архитектурное сооружение, которое рассматривается не как новодел, но как полноценный «памятник истории и культуры».

Итогом ассимиляции хантыйской и мансийской сакральной географии стала легитимация региональной элиты как хранителей музеифицированной культуры «обских угров». На основе сконструированной на базе традиционной сакральной географии идентичности формируется образ региона, предназначенный в том чис-

¹ Напомним, что Г. Шлиман раскапывал общеевропейское «священное место», будучи твердо убежден, что поэмы Гомера представляют собой достоверный и надежный исторический источник, а не «мозаику, в которой разнородные и разновременные исторические факты беспорядочно перемешаны со столь же разнородными мотивами фольклорного происхождения» (Андреев Ю.В. Поэзия мифа и проза истории. Л., 1990. С. 120).

² «Древний Эмдер» // http://af-studio.nm.ru/emder/emder_concept_ru.html#1

ле и для восприятия вовне. Если «Ханты-Мансийской автономный округ» для россиян – это прежде всего нефтяные вышки и высокие зарплаты, то «Югра» – это мир древней культуры, находящейся в неразрывном единстве с нетронутой природой.

Безусловно, в процессе конструирования югорской региональной идентичности были использованы не только результаты дискурсивной ассимиляции сакральной географии ханты и манси. Важнейшую роль сыграл советский героический дискурс и сформированная на его основе «нефтяная легенда». Она была тем более важна, что, как показано выше, в процессе конструирования региональной идентичности региональная элита практически не имела возможности опираться на «наследие царского режима». Еще раз напомним, что в имперском управленческом дискурсе территория будущей Югры никак специально не маркировалась, а Северное Приобье позиционировалась унылая и безрадостная «цивилизационная пустыня». Поэтому региональная элита не могла пойти тем путем, каким пошла в начале 1990-х гг. элита в целом, презентировавшая новую Российскую Федерацию как прямую наследницу Российской империи (минуя советский период).

В дискурсивном плане региональной элите достаточно было опереться и на имеющиеся формы символической солидарности. До сих пор у большинства жителей Ханты-Мансийского округа эта солидарность принимает форму противопоставления «северян» жителям «большой земли» (общепринятое название территории, начинающейся примерно за Тюменью), то есть представляют собой классический случай солидарности на основе негативной идентичности. Подобного рода символическая солидарность, основанная на антиномии между прежним и новым местом жительства, характерна для всех мигрантских сообществ. То, что прежнее место жительства называется «большая земля», с одной стороны отражает одну из самых ярких особенностей советского административного дискурса – его замкнутость на символическое цифровое измерение (больше – меньше, причем чем больше, тем лучше), а с другой – подчеркивает, что новое место проживания рассматривается как не имеющая постоянного контакта с большим целым, изолированная от него, и вследствие этого неполноценная и ущербная часть.

Представление о неполноценности и ущербности Ханты-Мансийского автономного округа отражает специфику героического советского дискурса, в рамках которого нефтяное освоение воспринималась как «борьба с природой» и непрерывное самопожертвование при принципиальном отсутствии жизненных удобств. Отметим высокую степень устойчивости этого дискурса, когда современный публицист считает нужным противопоставить героизм первопроходцев, которые «мерзли в балках, кормили своей кровью мошку, тонули вместе со своими бульдозерами в васьюганских топях» (всё – стандартные тропы советского героического дискурса, не менее стандартно наложенные на «местную специфику»: «балок» – временное жилье, барак; «мошка» – название местной разновидности гнуса) постсоветской «цинически-хищной модернизации» в ее «глобалистско-оккупационной фазе», в результате которой возникли «западно-сибирские города-триумфаторы ... с электролиниями, дорогими отелями, образцовыми библиотеками, суперсовременными музейными комплексами»¹, паразитирующие на этом героизме.

Советский героический дискурс широко эксплуатируется местной элитой. Главным праздником округа является День нефтяника (первое воскресенье сентября). Активно разрабатывается «нефтяная легенда» – эпос об открытии западно-сибирской нефти. Когда в 2004 г. в округе торжественно отпраздновали добычу восьмимиллиардной тонны нефти с момента разработки нефтяных месторождений, на площади у Музея геологии нефти и газа в Ханты-Мансийске были размещены «мемориальные звезды» с именами первооткрывателей, образующие «нефтяной пантеон»: «Первой прозвучала фамилия Юрия Георгиевича Эрвье, чье гениальное предвидение помогло геологам найти нефтяные кладовые... Далее следуют фамилии Виктора Ивановича Муравленко – Героя Социалистического Труда, основателя «Главтюменьнефтегаза», человека, чье имя носит город на Ямале, третьей – Бориса Евдокимовича Щербины – первого секретаря Тюменского обкома КПСС, в чье правление была открыта нефтяная эпоха Югры. Четвертая и пятая звезды будут заложены в честь ныне живущих Героев Социалистического Труда – бывшего главного геолога

¹ Лощиц Ю. Кто кого покорит? Первое покорение // Русское воскресенье – Национальная идея // <http://www.voskres.ru/idea/lotschic.htm>

«Главтюменьгеологии», а потом восемнадцать лет руководившего министерством геологии России Льва Ивановича Ровнина и, конечно же, Фармана Курбан-оглы Салманова – первооткрывателя нефти Среднего Приобья»¹.

Нетрудно заметить, что эти фамилии в свернутом виде и есть «нефтяная легенда». Например, упоминание фамилии Б.Е. Щербины в качестве коннотата предполагает рассказ о его противостоянии с Минводхозом, завершившийся легендарной докладной запиской в ЦК КПСС, по результатам которой было принято постановление «О мерах по усилению геологоразведочных работ на нефть и газ в районах Западной Сибири». Фамилия Ф.К. Салманова влечет собой не менее легендарную историю: «Я нашел нефть. Вот так, Салманов», «Скважина лупит по всем правилам» и т.п.

Далеко не случайно статья, посвященная открытию мемориальных досок первооткрывателям западно-сибирской нефти, называлась «Славься, Югра нефтяная!» и была помещена в газете «Новости Югры». Естественно, первооткрыватели занимались разведкой и добычей нефти в Западной Сибири, однако методом «заполнения лакуны» из «нефтедобывающих районов Западной Сибири» получилась «Югра нефтяная». Исключенное из дискурсивного контекста данное словосочетание представляет собой оксюморон, соединение несоединимого. То, что оно воспринимается как само собой разумеющаяся часть официального регионального дискурса свидетельствует об успешном завершении процесса конструирования региональной идентичности на основе синтеза целого набора дискурсивных практик. В получившийся комплекс входят ассимилированные традиционные дискурсивные практики ханты и манси, практики, возникшие в процессе освоения русским государством территории Северного Приобья, а также элементы вторичного лингвонационалистического финского и венгерского дискурса. Конструирование «Югры» было осуществлено региональной элитой, интегрированной в общероссийскую элиту, в процессе поиска новой, постсоветской региональной идентичности и достраивания региона до нормативной модели.

¹ Глухих А. Славься, Югра нефтяная! // «Новости Югры», 2004. 14 сентября. № 108. С. 5.